

Ли Дали посмотрел на Цинь Чжао, не в силах немедленно ответить.

Будучи прямолинейным человеком, он обычно не хотел бы вмешиваться в такие дела.

Хотя они с Ли Хунъюем были двоюродными братьями, их семьи разделились в предыдущем поколении, и их дела шли по-разному. Вчерашнее происшествие было просто стечением обстоятельств, в противном случае он не последовал бы за ними к старосте.

Он не хотел вмешиваться, но не мог помешать другим приходить.

Ли Хунъюй был невероятно упрям. Как бы его семья ни уговаривала и ни била его, он отказывался склонить голову и извиниться перед Цинь Чжао. Не имея других вариантов, его семья обратилась к Ли Дали в надежде, что он сможет выступить посредником.

Они рассуждали просто: раз семья Цинь Чжао арендовала землю у Ли Дали, он должен был проявить уважение.

Ли Дали, известный в деревне своим добродушным нравом, чувствовал себя неловко, но не знал, как отказаться.

Более того, если бы Цинь Чжао «случайно» проговорился об этом инциденте, репутация А-Сю была бы испорчена, и ей было бы трудно остаться в деревне.

Учитывая все это, Ли Дали, несмотря на свое нежелание выступать в роли посредника, почувствовал себя обязанным согласиться.

Чего он не ожидал, так это твердой позиции Цинь Чжао.

Рассуждения Цинь Чжао были логичны. Ли Хунъюй становился все более безрассудным, потому что кто-то всегда убирал за ним. Если бы такое поведение осталось безнаказанным, то, что могло начаться с нескольких поврежденных саженцев, могло перерасти в кражу или даже более тяжкие преступления?

Настало время для надлежащего урока.

Что касается репутации А-Сю, то после разговора с Цинь Чжао Ли Дали внезапно почувствовал себя менее обеспокоенным.

Цинь Чжао был настолько честным, что даже не принимал помощь в прополке без вознаграждения. Как кто-то мог усомниться в честности такого человека?

Обдумав все, Ли Дали больше не злился. Вместо этого он проникся еще большим уважением к Цинь Чжао.

— Хорошо, я вернусь и передам твое послание, — сказал Ли Дали, без лишних церемоний пряча медные монеты в карман. — Проучи этого сопляка как следует, не жалея его.

Цинь Чжао улыбнулся и кивнул, увидев, как Ли Дали выходит из двора.

Вернувшись, он увидел, что Цзин Ли сидит на месте, которое только что освободил Ли Дали, подперев подбородок рукой и склонив голову набок, наблюдая за ним.

Цинь Чжао спросил:

— Что не так? Ты думаешь, я плохо справился?

— Нет, — Цзин Ли моргнул.

Подход Цинь Чжао, безусловно, был правильным.

Хотя они и не собирались слишком сильно давить на Ли Хунъюя, все же он был виноват, и ему следовало хотя бы лично прийти и извиниться. Вместо этого он отправил посредника, пытаясь сгладить ситуацию, играя на эмоциях. Все было не так просто.

На самом деле, пока Цинь Чжао разговаривал с Ли Дали, Цзин Ли немного волновался.

Цинь Чжао обычно избегал конфликтов с жителями деревни, и, поскольку Ли Дали так помог им, Цзин Ли подумал, что Цинь Чжао, возможно, решит оставить все как есть, как он делал в прошлом.

Он не ожидал, что Цинь Чжао на этот раз проявит такую решительность.

Немного подумав, Цзин Ли спросил:

— Это потому, что ты расстроился из-за того, что они использовали Ли Дали?

Цинь Чжао покачал головой.

— Нет.

— Тогда почему...

Цинь Чжао осторожно притянул к себе раненую руку Цзин Ли.

Ладонь все еще была перевязана марлей, но край повязки слегка отклеился. Цинь Чжао разгладил небольшой участок поврежденной кожи и спокойно сказал:

— Он заставил тебя упасть, он должен извиниться.

Цзин Ли на мгновение был ошеломлен.

Маленькая ранка давно перестала болеть, и после ночного сна он даже забыл о том, что у него была травма на руке.

Но Цинь Чжао помнил.

Цзин Ли опустил голову, испытывая тайное чувство счастья.

— Такой мелочный.

Цинь Чжао просто улыбнулся, не отвечая.

Он погладил Цзин Ли по голове и сказал:

— Присядь и немного отдохни. Я приготовлю лекарство.

— Подожди минутку, я еще не закончил, — Цзин Ли схватил его за рукав, откашлялся и серьезно сказал: — Я хотел еще сказать, что ты взял деньги, не отчитавшись передо мной.

Цинь Чжао: «...»

Роль главы семьи действительно вскружила ему голову.

Цинь Чжао не стал спорить и с готовностью признал свою ошибку:

— Это была моя вина.

Цзин Ли не собирался так просто его отпустить.

— Простого устного признания недостаточно. Ты должен быть наказан.

В конце концов, Цинь Чжао сегодня воспользовался им на глазах у всех, и маленький кой, который затаил обиду, был полон решимости отомстить.

— Хорошо, я принимаю наказание, — сказал Цинь Чжао, по-прежнему проявляя снисходительность, и терпеливо спросил: — Какое наказание?

Цзин Ли замолчал.

Он не думал так далеко.

Наказание должно было заключаться в чем-то, что Цинь Чжао должен был сделать, но не хотел делать. Однако, поразмыслив об этом, Цзин Ли с удивлением понял, что, похоже, ничего не подходит под эти критерии.

О чем бы он ни просил, Цинь Чжао всегда соглашался.

Немного поразмыслив, Цзин Ли с напускной серьезностью сказал:

— Я еще не думал об этом, но у тебя останется долг.

Цинь Чжао: «...»

Этот маленький парень.

Цинь Чжао усмехнулся, покачал головой и вышел из главного зала.

В деревне люди обычно ели два раза в день, но Цзин Ли постоянно жаловался на голод, поэтому Цинь Чжао пришлось перейти на трехразовое питание.

В то утро они поспешили в город и почти ничего не ели, а теперь был почти полдень. Цинь Чжао положил лекарство в кастрюлю и поставил на медленный огонь, а затем вскипятил воду, чтобы сварить две миски лапши.

В каждой миске было по яйцу, несколько бланшированных листьев овощей, немного приправ и ложка сала, оставшегося после приготовления мяса. Как только по дому разнесся аромат, Цзин Ли пришел на запах.

— Так вкусно пахнет...

Глаза Цзин Ли загорелись, когда он увидел миски, которые держал Цинь Чжао. Когда он уже собирался взять одну из них, Цинь Чжао отступил в сторону и сказал:

— Ты весь в грязи. Сначала вымой руки.

— Я просто сажал цветы, — пробормотал Цзин Ли, но послушно пошел умываться.

Он переоделся в темно-красную одежду с короткими рукавами, специально для работы в саду. Манжеты были небрежно закатаны, и от подола до манжет, от пальцев до марли на руках — все было испачкано грязью.

Цзин Ли снял повязку и подставил руки под струю воды, чтобы промыть их.

Правило, запрещающее мочить раны, распространялось на обычных людей. У Цзин Ли, как у рыбы, раны могли даже быстрее заживать в воде, если она была хорошего качества.

Он быстро вымыл руки и, когда вернулся в гостиную, Цинь Чжао уже принес лапшу.

Дверь в главную комнату была открыта, и из нее открывался вид на двор. На небольшом участке земли перед главной комнатой виднелись следы недавней вспашки — свидетельство работы Цзин Ли.

Ямки в земле были аккуратно выкопаны, довольно глубокие и расположенные на равном расстоянии друг от друга.

Немного понаблюдав, Цинь Чжао спросил:

— Ты знаешь, как сажать цветы?

— Конечно, знаю. Я отлично это делаю. Когда мы... — Цзин Ли внезапно замолчал на полуслове.

Он хотел сказать, что в прошлом именно он ухаживал за растениями и цветами в приюте.

Цзин Ли не изучал садоводство официально, но, похоже, у него был к этому природный талант. Будь то неизвестный сорт семян или почти засохшее растение, если оно оказывалось в его руках, то росло и прекрасно цвело, где бы он его ни посадил.

Но он не мог рассказать об этом Цинь Чжао.

Немного расстроившись из-за того, что снова чуть не сказал что-то не то, Цзин Ли

сосредоточился на поедании лапши, не решаясь продолжить разговор.

Цинь Чжао бросил на него короткий взгляд, скрывая улыбку в глазах.

Малыш чуть не проговорился снова — он действительно не умел хранить секреты.

Теперь Цинь Чжао был почти уверен, что до того, как прийти к нему домой, Цзин Ли, должно быть, какое-то время жил как человек. Однако, чем он занимался в тот период, почему не хотел об этом говорить и как он оказался здесь, оставалось загадкой.

Но Цинь Чжао не спешил.

Учитывая, что Цзин Ли не умеет ничего скрывать, он быстро все разболтает.

После обеда они немного вздремнули, прежде чем продолжить сажать цветы во дворе.

Цзин Ли с удивлением обнаружил, что Цинь Чжао на самом деле не знал, как сажать цветы.

— ...Нет, нужно копать немного глубже. Подожди, расстояние там слишком маленькое, корни не будут хорошо расти.

Найдя то, в чем он был хорош, а Цинь Чжао — нет, Цзин Ли решил перестать работать и вместо этого стал направлять Цинь Чжао, пока тот копал землю.

Но его чувство превосходства длилось недолго.

Способность Цинь Чжао к обучению была поразительной. Он не только становился все более опытным, но и к концу дня копал даже быстрее, чем Цзин Ли.

Это пробудило в Цзин Ли редкий дух соперничества, и они вдвоем втайне соревновались друг с другом, быстро подготавливая весь сад, сажая семена и присыпая их землей.

— ...Их просто нужно поливать их каждые два-три дня, как овощи. Затем подождать, пока они прорастут. Как только они прорастут, посмотрим, нужно ли их обрезать или пересадить.

Цзин Ли ходил между грядками, поливая семена и объясняя, как ухаживать за цветами в будущем.

Не дождавшись ответа, Цзин Ли обернулся и увидел, что Цинь Чжао отдыхает с закрытыми глазами на бамбуковом кресле.

Этот болезненный парень сегодня выложился по полной, работая почти два часа, — неудивительно, что он был измотан.

Цзин Ли усмехнулся про себя, закончил поливать грядки, вымыл руки и тихо подошел к Цинь Чжао.

Дыхание Цинь Чжао было ровным, как будто он заснул. Он совсем не был похож на человека, который только что закончил работу в поле, — он был безупречен, если не считать капельки пота на лбу.

Цзин Ли рукавом вытер пот со лба Цинь Чжао.

Цинь Чжао перевязал руку, чтобы предотвратить попадание грязи в рану. Марля была аккуратно намотана на руку и не мешала движениям.

Цинь Чжао спал беспокойно: его брови были нахмурены, губы сжаты в тонкую линию, а лицо выглядело немного бледным.

С таким хрупким телом он все еще думал о том, чтобы найти супруга.

Найти кого-то, кто заботился бы о нем, имело бы больше смысла.

Цзин Ли подумал про себя, не в силах подавить улыбку.

Его рука, которой он вытирал лоб Цинь Чжао, медленно опустилась вниз, скользнула по высокому носу и наконец остановилась у уголка губ.

У Цинь Чжао были тонкие губы с острыми уголками, из-за чего он казался неприступным. Цзин Ли читал в книге, что такая форма губ указывает на холодный характер, но Цинь Чжао был совсем не холодным.

На самом деле он был самым добрым человеком из всех, кого знал Цзин Ли.

Цзин Ли уставился на тонкие губы, наклонившись чуть ближе.

Намеренно или нет, но Цзин Ли обнаружил, что высота бамбукового кресла почти раздражает своей идеальностью: слегка наклонившись, он мог заглянуть прямо в лицо Цинь Чжао.

Это было особенно подходящим для того, чтобы сделать что-нибудь озорное.

Красивое лицо предстало перед его глазами, и Цзин Ли уставился на него, погружившись в

свои мысли. Ощущение под его пальцами было теплым и мягким.

Внезапно снаружи двора донесся легкий звук.

Цзин Ли резко выпрямился, отступил на несколько шагов и чуть не упал в воду.

Что... о чем он только что думал?!

Цзин Ли едва успел выпрямиться, его уши горели от смущения. Через мгновение он понял, что это кто-то стучит в ворота.

Потирая уши, он быстро подошел.

Когда он открыл ворота, то обнаружил Ли Хунъюя, стоящего снаружи.

Рука Ли Хунъюя была перевязана, а на лице виднелось несколько небольших синяков, указывающих на то, что его избили. Его глаза были слегка покрасневшими, и он выглядел довольно угрюмым.

— Я пришел, чтобы увидеться с тобой и Цинь Чжао. Он дома? — немного поколебавшись, он сухо добавил: — ...Извиниться.

Цзин Ли начал говорить:

— Цинь Чжао сейчас...

— Впусти его, — прервал его чей-то голос.

Цзин Ли обернулся и увидел, что Цинь Чжао уже проснулся и сидит на бамбуковом кресле, прижимая пальцы к вискам.

По какой-то причине Цзин Ли подумал, что Цинь Чжао казался...

Немного несчастным.

Автору есть что сказать:

Цинь Чжао: Сердит.

<http://bllate.org/book/14325/1268669>